

Сергей Чувашов

Золотая роза спящего леса

Сергей Чувашов

Золотая роза спящего леса

«Автор»

2026

Чувашов С. Ю.

Золотая роза спящего леса / С. Ю. Чувашов — «Автор», 2026

В старом королевстве, где часы бьют только раз в сутки, живёт девочка по имени Розали — тихая, мечтательная и чуточку нескладная. Она обожает читать сказки, но не догадывается, что скоро станет их героиней. Однажды её крёстная, странная дама в синем плаще, дарит ей не иголку с клубком, а половинку лесного ореха. Внутри — карта с единственной фразой: «Тот, кто найдёт Золотую Розу, разбудит лес от векового сна». Лес вокруг королевства давно замер: птицы висят в воздухе, капли дождя не падают, а жители превратились в каменные статуи. Розали предстоит пройти через часовые поля, зеркальные ручьи и встретить говорящего Кота в промокших сапогах. Но главное — она должна понять: чтобы разбудить мир, иногда нужно сначала разбудить своё сердце.

© Чувашов С. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая, в которой пахнет корицей и ожиданием чуда	5
Глава вторая, где мир становится на паузу	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сергей Чувашов

Золотая роза спящего леса

Глава первая, в которой пахнет корицей и ожиданием чуда

В королевстве Мон-Перлю все часы показывали разное время. Это была старинная традиция: каждый мастер делал свои часы, и никто их не синхронизировал. Поэтому у булочника час обеда наступал, когда у фонарщика ещё только начиналось утро. Жили они весело, путано и с удовольствием.

На самой окраине, у Кривого переулка, стоял домик под красной черепицей. В этом домике жила вдова Гийота с дочерью Розали. Мать работала кружевницей — такие тонкие узоры плела, что муха могла запутаться в них и попросить о помощи. А Розали... Розали была девочкой, которую все называли «чудачкой».

— Розали! — кричала мама из кухни. — Ты опять полила грядку с редиской молоком?

— Это был эксперимент, мамочка! — отвечал звонкий голос из сада. — Я хотела узнать, вырастет ли редиска белой, если её кормить белой жидкостью.

— Она и так белая внутри!

— Вот видишь! Эксперимент подтвердился!

Мама вздыхала, но беззлобно. Розали была её солнышком, пусть и с веснушками, похожими на малиновое варенье, разлитое по носу.

Розали было двенадцать лет. Она не носила платья с кринолинами, как все девочки в городе, — они ей казались клетками для птиц. Она предпочитала синие штаны, подшитые внизу, и отцовскую старую куртку, которая пахла дождём и тайной. Отца она не помнила — он ушёл в Зачарованный Лес, когда ей было два года, и не вернулся. Мать говорила, что его заколдовали. Розали верила, но не грустила: она была уверена, что папа просто ушёл в самую интересную сказку и когда-нибудь выйдет оттуда, позвякивая смешными историями.

В тот вечер, с которого всё началось, Розали сидела на крыльце и лушила горох. Солнце садилось в лиловую карамель, и небо было такое, что хотелось откусить кусочек.

— Мам, — спросила она, — а почему наш лес называется «Зачарованный»?

— Потому что, доченька, он заснул.

— Как это — заснул? Деревья спят стоя?

— Не деревья, — мама отложила коклюшки. — Время там заснуло. Птицы не поют, вода не течёт. Говорят, даже принцы там висят в воздухе с недопоцелуями.

Розали поперхнулась горошиной.

— С недопо... мама!

— Что? Это научный факт. Ты бы лучше уроки учила.

Розали не учила уроки. Вместо этого она достала из-под половицы старую карту, которую сама нарисовала в шесть лет. На ней были обозначены: «Тут страшно», «Тут очень страшно», «Тут живёт кролик по имени Усик» и «Здесь ВАЖНО».

Она сидела и перерисовывала карту на новый лист, когда в дверь постучали.

Стук был странный: три длинных, два коротких, один мягкий, будто кошачьей лапой.

— Кто бы это мог быть в такой час? — удивилась мама.

Розали открыла дверь.

На пороге стояла женщина. Очень высокая, очень худая, в длинном синем плаще, который как будто состоял из ночного неба. Её лицо было как печенье, которое только что вынули из формы, — ещё горячее, но уже красивое. На плече у неё сидела сова с одним глазом.

— Здравствуйте, — сказала женщина голосом, похожим на шелест сухой травы. — Вы меня ждали?

— Вообще-то нет, — честно ответила Розали. — Но я всегда рада гостям. У нас есть коричный пирог.

Женщина улыбнулась. Улыбка у неё была как трещина на старом горшке — неожиданная и красивая.

— Я твоя крёстная, — сказала она. — Меня зовут Меланья. Я фея. Но не из важных. Я фея забытых предметов и потерянных носок.

Мама ахнула и присела в реверансе, хотя сидела на лавке. Розали моргнула.

— У меня нет крёстной. Мама сказала, что меня не крестили, потому что в церкви перепутали купель с лоханью для белья.

— Это была я, — призналась Меланья. — Я сделала вид, что перепутала. На самом деле я хотела посмотреть, как ты будешь расти без магии. И знаешь что? Ты выросла чудесной. Немного грязной, но чудесной.

Розали посмотрела на свои коленки в земле и улыбнулась.

— Спасибо. А что в руке?

В руке у феи был половинка лесного ореха. Обычный орех, с шершавой скорлупой, но внутри него что-то тихо пело.

— Это твой подарок на двенадцать лет, — сказала Меланья. — Не всем феям удаётся быть вовремя. Я опоздала на... двенадцать лет и три дня. Извини.

— Ничего страшного, — Розали взяла орех. — А что с ним делать? Грызть?

— Грызть, — серьёзно кивнула фея. — Но сначала подумай. Ты действительно хочешь узнать, что случилось с Зачарованным Лесом? И с твоим отцом?

Розали почувствовала, как сердце сделало сальто. Она посмотрела на маму. Мама побледнела и кивнула — едва заметно, как кивают, когда прощаются.

— Хочу, — сказала Розали.

И укусила орех.

Глава вторая, где мир становится на паузу

Скорлупа треснула. Внутри оказалось не ядро, а маленькая записка, свёрнутая в трубочку толщиной с волосок. Розали развернула её, но там было всего три слова, написанных золотистыми буквами:

«Иди к реке»

— И всё? — разочарованно спросила она.

Но фея Меланья уже исчезла. Вместе с совой. И с синим плащом. И даже со стуком, который остался висеть в воздухе, как звук отдалённого колокола.

Мама стояла белая, как простыня.

— Дочь, — сказала она тихо. — Ты не обязана. Это опасно. Лес спит, но не мёртв. Там... там осталась память о зле.

— А память о добре? — спросила Розали.

Мама не ответила. Она только достала из сундука отцовские сапоги — большие, грубые, с медными пряжками. И маленький кинжал, который скорее походил на нож для масла, но с рукояткой в виде волчьего зуба.

— Возьми. И возвращайся. Пожалуйста.

Розали обняла маму. От неё пахло тестом и ванилью. И ещё чем-то старым, как сама любовь.

— Я вернусь с папой, — шепнула Розали. — Или с историей. Или с тем и другим.

Она надела отцовские сапоги — они были велики, поэтому в каждый носок пришлось запихнуть по три яблока. Взяла кинжал-маслёнку, сунула за пояс горсть каштанов (на случай голода) и вышла в ночь.

Улицы Мон-Перлю спали. Фонари мерцали жёлтыми глазами. Только где-то на колокольне часы пробили... неизвестно что. Они били просто так, от одиночества.

Розали шла к реке. Она знала эту дорогу с детства: мимо домика пряничного мастера (он теперь пёк только серый хлеб — пряники запретил королевский указ за излишнюю сладость), мимо старого дуба, на котором висела табличка «Осторожно, бабки-Ёжки переходят дорогу», и вот она — река Серебрянка.

Но река не текла.

Она стояла. Каждая волна замерла, как лепесток в желе. Лягушка на камне застыла с открытым ртом — видимо, хотела сказать что-то важное, но не успела.

— Это уже лес? — спросила Розали у тишины.

Тишина не ответила. Зато ответил... сапог.

Левый сапог вдруг чихнул.

— Будьте здоровы, — машинально сказала Розали и тут же подпрыгнула. — Сапоги умеют чихать?!

— Не сапоги, — раздался голос откуда-то сверху. — А я. Сажу на дереве. Промок и чихаю.

Розали задрала голову. На ветке старой ивы, склонившейся над застывшей рекой, сидел... кот. Но не простой. Огромный, в сапогах. Только сапоги у него были дырявые, и из одной дыры торчал носок с заплаткой. Кот был серый, полосатый, с усами-антеннами и очень унылым выражением морды.

— Ты кто? — спросила Розали.

— Я Кот в сапогах, — вздохнул кот. — Вернее, бывший Кот в сапогах. Теперь я просто Кот в дырявых сапогах. Работа не идёт. Принцев не осталось. Мыши меня боятся, потому что я слишком грустный. А я мышей боюсь, потому что они меня щекочут. В общем, полный провал.

— Но ты же должен быть героем! — возмутилась Розали. — В сказках ты умный, хитрый...

— В сказках много чего, — кот спрыгнул с ветки и приземлился прямо перед ней. Сапоги чавкнули. — А в реальности я уже триста лет сижу на этой иве и смотрю, как время застывает. Хочешь совет? Уходи. Тут ничего не разбудишь.

— А папу моего можно разбудить? — спросила Розали.

Кот прищурился.

— Твоего папу звали Жан-Мишель?

— Да! Откуда ты знаешь?

— Он единственный, кто попытался дойти до Золотой Розы. И тоже в больших сапогах. Правда, у него в носках были не яблоки, а груши. Он любил груши.

Розали почувствовала, как глаза начинают щипать. Но она не заплакала. Вместо этого она сняла один сапог, достала яблоко и протянула коту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.